

А.В. АНТОЩЕНКО (*Петрозаводск*)

**РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА VS.
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

*(Об эволюции политических и научных взглядов
академика П.Г. Виноградова)*

Известный историк и правовед Павел Гаврилович Виноградов (1854-1925) занимал особое положение среди русских эмигрантов, оказавшихся в Англии после прихода к власти большевиков. Он уехал из России значительно раньше — в 1901 г. — в знак протеста против бюрократического произвола, царившего в стране. В 1903 г. его избрали профессором сравнительного правоведения в Оксфордском университете, а в 1906 г. — членом Британской академии наук. Поскольку Виноградов покинул Россию добровольно, он мог вернуться на родину. Однако возобновление преподавания в Московском университете с 1908 г. оказалось недолгосрочным. После наступления при министре народного просвещения Л.А. Кассо правительственной реакции в университетской политике в начале 1911 г. Виноградов вновь подал в отставку и выехал в Англию. Надежда на переезд в Россию стала возрождаться в годы Первой мировой войны и усилилась после Февральской революции 1917 г. Однако большевистский переворот означал, что путь на родину для Виноградова закрыт навсегда. Не приемля новой власти, Павел Гаврилович выступил с решительной критикой ее действий и в поддержку Белого движения. В своих публикациях на страницах английской прессы он стремился найти пути и средства восстановления законного правительства в стране. Именно пропагандистской деятельности историка и правоведа, ставшей, наряду с научной и преподавательской работой, одной из главных в последние годы его жизни, посвящен большей частью данный очерк.

This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation (grant № 81/1998).

* * *

Приход к власти большевиков был неожиданностью для Виноградова, вся пропагандистская деятельность которого в течение 1917 г. была направлена на разъяснение английской общественности, с недоверием отнесшейся вначале к перспективам Февральской революции в России, того, что революционные события были неизбежным результатом гнилости старого режима, неспособного справиться с трудными задачами войны, что революция при настоящем положении дел является спасительным выходом. В своих публикациях в английской прессе и лекционных выступлениях он стремился показать, что сотрудничество союзных держав является надежным залогом последовательных демократических преобразований в России, которые приведут к ее возрождению. В общем оптимистическая оценка развития революции после Февраля, несмотря на то что Виноградов предостерегал против агрессивности русских социалистов-интернационалистов, основывалась на органическом видении истории. Такое видение не предполагало резкого разрыва с либеральной, коренящейся в дореволюционном земском движении, традицией, которую готово было развивать Временное правительство и с которой не собирались считаться большевики, пришедшие к власти под лозунгом диктатуры пролетариата¹.

В этих условиях Виноградову, несмотря на глубокие познания во всемирной истории, было очень трудно найти те исторические аналогии, которые позволили бы объяснить происходящее у него на родине и определить пути выхода из создавшейся ситуации. Только в январе 1918 г. он опубликовал маленькую статью, в которой попытался представить собственное понимание случившегося в России². Обращение к опыту французской революции конца XVIII в. для прояснения российской ситуации, как и сравнение ее с Парижской коммуной, казалось неприемлемым. В первом случае монтаньяры, занимавшие патриотическую позицию и боровшиеся с «федералистами», явно отличались от большевиков, с безразличием относящихся к развалу страны. Во втором — в отличие от немногочисленного пролетариата, восставшего в Париже, — в России революцию поддержали рабочие, а также крестьяне и солдаты, что затрудняло ее ликвидацию.

Аналогия для объяснения была найдена в русской истории: Виноградов готов был сравнивать революционные события в стране со Смутным временем начала XVII в., то есть длительным процессом преодоления разлагающего влияния антигосударственных элементов³. Большая сложность выхода из кризиса в современных условиях по сравнению с прошлым обуславливалась, по мнению Виноградова, тем, что германские войска были более сильным врагом, чем поляки, и тем, что была утрачена консолидирующая сила церкви и религии, которая помогла возродиться русскому государству триста лет назад. Такое органицистское в своей основе видение происходящего в стране, при котором предполагалось, что потребуется определенное время, чтобы общество «переболело» большевизмом и отторгло его, став на путь выздоровления, определяло довольно пассивную на первых порах позицию Виноградова в отношении к власти большевиков.

Только в начале марта 1918 г. в интервью корреспонденту газеты «Обсервер» он детализировал свое отношение к событиям в России, высказав оценки, которые стали основой для дальнейшего освещения им хода дел на родине⁴. Определяя происходящее в России как гражданскую войну, Виноградов видел ее суть в восстании необразованных классов против образованных. Главными преступлениями новой власти назывались разрушение армии и подрыв правового порядка в связи с созданием революционных трибуналов, что должно было вызвать однозначно отрицательную реакцию у англичан. Особенно важным являлся первый аргумент, поскольку заключение Брестского мира и демобилизацию армии многие англичане считали изменой, осложнившей положение союзников в противоборстве с центральными державами. Виноградов надеялся на «поучительные уроки», которые русский народ получит в результате проведения коммунистического эксперимента, разрушившего экономические связи между отдельными частями страны в угоду реализации утопической доктрины.

Высказывавшееся в правительственных кругах Англии мнение о необходимости активно привлечь Японию для предотвращения германской высадки на российский Дальний Восток встретило негативную реакцию Виноградова, поскольку он видел в

этом опасность отторжения от России отдельных территорий. Он предпочитал, чтобы союзники оказывали содействие пропагандой, специальными субсидиями и посылкой специалистов, когда потребуется восстановление страны. Главным для него было возобновление работы транспорта, что позволило бы противодействовать германской экспансии, которая будет идти с запада. Последним обстоятельством определялась необходимость создания базы для восстановительных работ, которой мог стать Мурман.

Такая оборонительная позиция определялась также тем, что Виноградов вплоть до осени 1918 г. не видел в России реальных сил, которые могли бы законно претендовать на преемство власти от Временного правительства и были бы способны вести решительную борьбу за восстановление правового порядка в стране. К тому же он оказывался в довольно сложном положении, как и многие другие российские либералы, находящиеся в Англии. Им приходилось вести борьбу за общественное мнение союзников на два фронта. С одной стороны, необходимо было давать отпор английским радикалам и лейбористам, которые были готовы приветствовать новую власть в России. С другой — выступать против консерваторов, считавших весь русский народ ответственным за случившееся.

Особую опасность, по мнению Виноградова, представляло стремление некоторых органов английской прессы поддержать новую власть в России, что проявилось и на страницах «Новой Европы», среди корреспондентов которой было и его имя. В ряде очерков, помещенных в апрельских выпусках журнала, Рекс Липер, скрывавшийся под псевдонимом «Рюрик» и использовавшийся для контактов с М.М. Литвиновым, проводил линию Брюса Локхарта на признание большевиков как единственной силы, способной бороться против Германии⁵. Это вызвало резкий протест Виноградова⁶, который повлиял на изменение позиции довольно популярного в Англии издания. Его редактор-издатель Р.-В. Сетон-Ватсон, давний знакомый Виноградова, вынужден был согласиться с ним. В журнале появился ряд статей, поддерживавших «интервенционистов» в английском правительстве⁷.

Сам Виноградов 6 июня 1918 г. выступил на страницах «Новой Европы» со статьей «Способ интервенции в Россию»⁸. В ней

историк вновь подверг критике попытку поддержать большевиков в надежде, что они смогут организовать сопротивление Германии. По его мнению, для возобновления борьбы с немцами на востоке необходимо было содействовать, с одной стороны, объединению патриотических сил, с другой — их технической организации. Если первая задача касалась внутренних условий России, то решение второй во многом зависело от союзников. Не представляя конкретных форм свержения власти большевиков, Виноградов был уверен, что «Ленин и Троцкий должны уйти». Переходной формой правления могла стать лишь национальная ассамблея, имеющая право говорить от имени народа. Такое право, по мнению Виноградова, имело Учредительное собрание, разогнанное большевиками. Избранное в ненормальных условиях, оно тем не менее не могло быть заподозрено в стремлении восстановить старые порядки. Его главная функция состояла в создании эффективного и сильного правительства. Техническая организация помощи объединению патриотических сил предполагала, повторял свою мысль Виноградов, создание военных складов и открытие путей для контактов с русским народом через Мурманск и Архангельск, в меньшей степени через Владивосток и КВЖД, а в будущем — через персидский фронт. Правда, теперь, летом 1918 г., он уже считал возможным использовать японские войска совместно с отрядами стран Антанты. Однако главным направлением интервенции, по его мнению, оставался север России, где следовало высадить несколько тысяч добровольцев.

Таким образом, до лета 1918 г. Виноградов своими публикациями в английской прессе стремился добиться положительного отношения британского общественного мнения к идее интервенции в Россию, которая помогла бы объединению русских патриотов в борьбе с большевиками и тем самым создала возможность восстановления законной власти, способной вновь включиться в активную борьбу против общего врага — центральных держав.

В это же время произошло сближение Виноградова с союзом «Русское народопрество». Воззвание об образовании союза было подписано профессорами С.П. Тюриным и С.И. Гаврило-

вым, литератором И.В. Шкловским-Дионео, А.М. Кругляковым, А.Р. Багатурянцем и др. Целью союза провозглашалось объединение тех, кто отвергал большевистское правление, ведущее к распаду русской государственности и угрожающее независимости народов России, кто поддерживал демократически избранное Учредительное собрание как единственного выразителя свободной воли всего народа, кто рассматривал республику как надежную гарантию мирного и свободного развития России, кто полагал, что только в тесном единстве с союзниками возможно восстановление ее могущества и преодоление германского застоя, которому подчинились новые правители, подписавшие мир в Брест-Литовске⁹. На одном из собраний членов союза Павел Гаврилович выступил с лекцией о современной ситуации в России, а также опубликовал статью о проектах создания Лиги Наций в первом номере журнала «Русское народоправство»¹⁰.

Решая дилемму, вынесенную в название лекции «За и против республики», он находил больше аргументов в пользу республиканского устройства России. Говоря о требовании восстановить частную собственность, Виноградов критиковал проекты, выдвигаемые теми, кто претендовал на роль лидеров или теоретиков Белого движения:

«Простое провозглашение принципа частной собственности при настоящих условиях приведет к недоумениям и распрям, а между тем как раз в этой форме провозглашен принцип в целом ряде контрбольшевистских программ — в воззвании ген. Хорвата и в декларации Парижского либерального союза, подписанной Ефремовым, Извольским и Стаховичем, не говоря уже о <заявлениях> групп ген. Гурко и ген. Ермолова. Дело теперь не в восстановлении частной собственности в границах юридически признанных интересов (*versed interests and rights*), а о пересмотре земельного порядка с точки зрения социальной справедливости, одинаково далекой от грабительской экспроприации и от частновладельческого формализма. Задача трудная, но, помимо ее общественной важности, она должна остановить на себе внимание с чисто политической точки зрения — в более или менее удачном ее разрешении нельзя не видеть залога внутреннего мира, компромисса между материальными стремлениями клас-

сов; игнорировать эту задачу или разрешить ее в пользу одной стороны — значить посеять вновь драконовы зубы, подготовить новые столкновения и кризисы»¹¹.

Признавая необходимость уступок в данном вопросе умеренным социалистам, он в то же время не конкретизировал принципы правового оформления произошедшего перераспределения земли. Столь же неопределенным выглядело и его заявление о путях решения национального вопроса. Воссоединение Украины, Крыма, Дона, Кавказа, считал он, возможно не под знаменем «централизованной царской власти», а под знаменем «справедливого и великодушного идеализма, начала которого самоотверженно исповедовали лучшие люди России — Толстой, Владимир Соловьев»¹². Характеризуя необходимые меры по восстановлению управления в стране, Виноградов возвращался к высказанным еще в 1905 г. идеям о передаче выборов в Народное собрание земствам и крупным городам и о формировании одной из палат российского парламента из участников земского и городского самоуправления, в случае признания всеобщего голосования при выборах палаты представителей¹³.

Прежде чем анализировать взгляды Виноградова на проекты создания Лиги Наций, следует рассмотреть еще одну его статью — «Судьба России», которая была помещена 22 октября 1918 г. в «Таймс»¹⁴. Именно в ней была поставлена в международном аспекте «русская проблема», решение которой Виноградов предлагал в последующих выступлениях. Опубликованная вскоре после ответа президента В. Вильсона на предложение Германии и Австро-Венгрии заключить перемирие, она демонстрировала понимание автором того, что в изменившихся условиях старый аргумент о необходимости интервенции в Россию в стратегических целях противодействия центральным державам теряет свое значение. Поэтому все свое внимание Виноградов сосредоточил на определении нового обоснования борьбы против большевизма, которое выработывалось им в неразрывной связи с решением вопроса о представительстве России на конференции по послевоенному устройству международных отношений.

Для Виноградова было очевидно, что большевики не могут представлять и отстаивать российские интересы на ней. аргу-

ментуруя свое мнение, он прежде всего ссылаясь на красный террор, развязанный ими против населения страны. Характеризуя правление большевиков как «погром», Виноградов пытался апеллировать к устоявшемуся стереотипу негативного восприятия этого явления в английском либеральном общественном мнении еще в годы, когда в России господствовало реакционное самодержавие, и усилить тем самым в образе новой власти неприемлемые для англичан черты угнетения и подавления. Вместе с тем к этому времени в стране появилось правительство, которое, по мнению Виноградова, могло успешно решать задачу освобождения России от большевистского засилья и восстановления законной власти. Оно было сформировано в Уфе и объединяло патриотов, начиная от кадетов и вплоть до эсеров и социал-демократов, подчеркивал Виноградов, всегда выступавший против партийного размежевания между представителями патриотических сил¹⁵. Такие деятели, как Н.Д. Авксентьев, П.В. Вологодский, Н.И. Астров, Н.В. Чайковский, поддерживаемые военными — генералами В.Г. Болдыревым, А.И. Деникиным, А.И. Дутовым, а также Б.В. Савинковым, как он считал, заслуживали доверия, так как представляли «принципиальные разновидности прогрессивного мнения». Особо при этом отмечалась их готовность созвать законодательное собрание. Главным же для Виноградова было то, что теперь в стране имелось законное правительство, которое могло представлять «историческое единство России» на международной конференции. Обсуждение вопроса о представительстве на ней «неправильно» конституированных частей бывшей Российской империи — Украины, Крыма, Дона, Грузии, Армении он считал несвоевременным. Наконец, важной была проблема контроля над российскими территориями, с которых должны были быть выведены немецкие войска. На их место, по мнению Виноградова, следовало ввести международные полицейские силы, рекрутированные из армий западных союзников.

Если оценивать реалистичность программы Виноградова, то следует отметить, что только в первом пункте она оказалась соответствующей настроениям и возможностям союзников, и прежде всего английского правительства. Отрицая возможность участия большевиков в конференции, оно еще какое-то время могло использовать аргумент красного террора для оправдания

своего негативного отношения к новой власти в России и продолжения интервенции¹⁶. Что касается признания Всероссийского временного правительства, переместившегося из Уфы в Омск, то здесь роковую роль сыграл переворот, совершенный А.В. Колчаком. В отличие от арестованных им членов директории, адмирала считали реакционером, что определило настороженное отношение к нему союзников, которым приходилось считаться с общественным мнением в своих странах. Поэтому вопрос представительства на конференции «патриотических сил» после долгих споров так и не был решен¹⁷. Наконец, относительно третьего пункта следует отметить, что в заключенном мирном договоре предполагалась эвакуация войск центральных держав с территорий России и замена их войсками союзников, но только после того, как «союзные державы сочтут момент подходящим, учитывая внутреннее положение этих территорий»¹⁸. На деле же немецкие войска быстро эвакуировались из тех районов, в которых немцы не были заинтересованы, и задерживались там, где у них были особые интересы¹⁹.

Поставив вопрос о поиске решения «русской проблемы» на основе международного соглашения, Виноградов вновь вернулся к нему в статье «Юридический и политический аспекты Лиги Наций». Она была опубликована в ноябре 1918 г., когда идея прочно овладела общественным сознанием англичан и была публично поддержана английским правительством²⁰. Показательна сама задержка обращения к теме Виноградова, который не мог не знать о ее общественном обсуждении в памфлетах, широко распространяемых начиная с 1917 г. Однако в то время он был занят прежде всего пропагандой в пользу Февральской революции в России. К тому же идея международной лиги как инструмента укрепления мира была инициирована в Англии «Союзом демократического контроля», о представителях и деятельности которого Виноградов отзывался весьма критически²¹. Выдвинутый ими лозунг «мир посредством переговоров» был воспринят в Англии как прогерманский²². Отголоски его Виноградов услышал в заявлениях о «мире без аннексий и контрибуций» российских социалистов-интернационалистов, которых он обвинял в пособничестве Германии. Однако поддержка идеи Лиги Наций американским президентом и общественным мнением этой стра-

ны, так же как и ее популярность в Англии и в других союзных государствах, создавала новые условия для ее использования в деле справедливого международного разрешения «русской проблемы».

Содержавшиеся в некоторых памфлетах сомнения в возможности создания международной организации, способной препятствовать новым мировым войнам, коренились, по мнению Виноградова, в неразделенности правового и политического аспектов ее деятельности в предлагаемых проектах. Их четкое разграничение позволило бы сделать Лигу действенным инструментом поддержания мира. Виноградов выступал за эффективную Лигу, которая могла бы осуществлять санкции против нарушителей международных соглашений, опираясь на армии ее наиболее сильных в военном отношении членов или на комбинированные вооруженные силы. При этом основой для их действий должны были быть решения международного суда. Такой Суд Справедливости, как его называли в некоторых проектах, являлся бы кассационным для обычных третейских судов, а в некоторых особых случаях — апелляционным судом, сохраняя в то же время за собой функции суда первой инстанции в делах «общего интереса», например в отношении почтового союза и т. п.

Оригинальным положением, поддерживаемым Виноградовым, было признание права частных лиц или корпораций обращаться с исками против государств в международный суд. При этом основанием для обращения могли быть не только кодифицированные правила или соглашения, но и общие принципы справедливости (*equity*). В основе такого мнения лежало окончательно оформившееся в лекциях периода мировой войны представление Виноградова о государстве как институте, не только обеспечивающем своей властью санкцию правовых норм, но и подчиняющемся им, а посему имеющем обязанности перед гражданами. Такое представление выросло из глубокого изучения исторического правоведения и сформировавшегося на этой основе понимания сути права. В определении сущности права главное внимание он сосредоточивал не на средствах, а на цели. Целью права, как показывал многовековой опыт, являлось совершенствование социальных отношений²³. В целом Ви-

ноградов поддерживал развитие международного права, считая, что оно должно быть столь же обязательным, как конституционное или частное право.

Наряду с преодолением конфликтов в сфере отношений, регулируемых международным правом, Лига Наций была призвана, по мнению Виноградова, решать политические вопросы, возникающие из столкновения интересов. Здесь главным механизмом должен был стать переговорный процесс при посредничестве Совета Лиги, причем найденные компромиссные решения со временем могли стать основой для выработки норм международного права.

Однако Виноградов не исключал возможности разрешения конфликтов при помощи силы. Именно в данной части статьи им было сформулировано предложение относительно способа решения «русской проблемы»: «В крайних случаях Лига должна быть обязана непосредственно противодействовать нарушителям мира, угнетателям и пиратам, даже невзирая на обычные границы государственного суверенитета. История XIX в. уже видела ряд таких вмешательств во имя гуманности и цивилизации, и недавняя интервенция стран Антанты в Россию может быть классифицирована подобным образом. Несомненно, это наиболее деликатный пункт всей программы, но его следует наметить в надежде, что Совет или Конгресс Лиги Наций, ведомый великими демократическими державами — Великобританией, Францией и Соединенными Штатами, — сможет с честью оправдать возложенное на него огромное доверие в данном деле. Следует взять на себя задачу, которую поставил перед собой Священный Союз, но решать ее противоположным образом — во имя свободы, просвещения и справедливости»²⁴.

Тем самым Виноградов пытался использовать популярную в Англии, да и во всем мире идею Лиги Наций для обоснования продолжения интервенции в Россию в то время, когда усиливалось движение за возвращение английских солдат на родину. Однако здесь перед ним вставали определенные сложности, которые обуславливались не только набирающим силу движением «Руки прочь от Советской России», но и потребностями более четкого обоснования собственных предложений. Дело в том, что в основе идеи Лиги Наций, как она трактовалась американским

президентом Вильсоном (а его подход постепенно становился определяющим), лежали два взаимосвязанных понятия — международной справедливости и самоопределения наций. Именно второй пункт мог породить сложности в отношении России. Воспитанный на традициях классического либерализма, Вильсон подразумевал под самоопределением наций прежде всего их право определять свое политическое устройство. Однако применительно к России это положение порождало коллизию: с одной стороны, оно могло трактоваться как право многонационального народа России на самостоятельный выбор своей политической судьбы, с другой — как право различных народов и народностей на самоопределение независимо от России. Перед Виноградовым вставала задача дать интерпретацию, которая позволила бы нейтрализовать нежелательное понимание права наций на самоопределение, чтобы успешно использовать идею Лиги Наций для справедливого, в его понимании, решения «русской проблемы».

Павел Гаврилович попытался сделать это в статье «Положение в России», помещенной в сборнике «Восстановление России», редактором которого он выступил²⁵. В ней Виноградов предложил дополнить два вышеназванных принципа третьим — правом «самосохранения и самосознания государств как исторических организмов»²⁶. Поэтому создаваемое международное объединение, в его представлении, не могло состоять из всех народов, населяющих землю, а могло быть лишь Лигой Наций, которые «должны быть воплощены в самодостаточные государственные организации». Также неприемлемым для него было создание ее в виде федерального правительства, которое ограничило бы суверенитет независимых государств. Тем самым Виноградов отказывался признавать возможность реализации проектов, выдвигаемых английскими радикалами.

Выдвигая идею самосохранения исторически сложившихся государственных организмов, Виноградов вместе с тем уточнял свое видение путей мирной консолидации народов, входивших в состав бывшей Российской империи. По его мнению, исторически оправданное право на независимость имели только Финляндия и Польша, хотя при этом подчеркивалась та роль, которую Россия сыграла в сохранении их государственных начал. От-

носителем всех остальных народов. Виноградов указывал на преимущества их нахождения в составе России, ссылаясь на историческую традицию, географические и экономические условия, объединяющие их. При этом он выступал отнюдь не за «единую и неделимую» Россию старого режима, а за демократическую республику, в которой народам Прибалтики, Украины, Белоруссии и Закавказья будут предоставлены самые широкие права на культурное самоопределение и обеспечено равноправие в политической и экономической сферах. Несмотря на отсутствие прямых указаний на идею «санитарного кордона», в целях создания которого английское правительство признавало законным стремление народов Прибалтики к созданию независимых государств, а Франция поддерживала притязания Польши и Румынии на российские территории, вся аргументация статьи свидетельствовала о протесте Виноградова против этих планов. Для него такая позиция бывших союзников России по Антанте становилась еще одной причиной горького разочарования, тем более что он видел в их действиях реализацию выдвинутых германской пропагандой еще в годы Первой мировой войны идеи создания «Белой Рутении», которую он в свое время разоблачал в российской печати²⁷. Единственной надеждой оставался американский президент Вильсон, о позиции которого Павел Гаврилович несколько раз с симпатией упомянул в статье.

Когда же и эта надежда не оправдалась, Виноградов разразился раздраженной и язвительной по тону и весьма невразумительной по содержанию статьей «Российские реалии: истина и парадоксы» на страницах «Обсервера»²⁸. Она появилась 16 февраля 1919 г., что во многом объясняет ее характер. За четыре дня перед этим вернувшийся из Парижа английский премьер-министр Ллойд Джордж выступил в парламенте с заявлением об отказе от интервенции, предложив депутатам, задававшим в связи с этим вопросы об отношении правительства к красному террору, почитать не газеты, а историю Великой французской революции. Тем самым один из главных аргументов в пользу интервенции дезавуировался. Состоявшееся 14 февраля в Версале торжественное представление проекта Соглашения об организации Лиги Наций, зачитанного и прокомментированного американ-

ским президентом, не содержало и намека на то, что с ее помощью «русская проблема» будет справедливо решена. Наконец, на день, предшествующий появлению статьи, была назначена инициированная Вильсоном и лордом Сессилем встреча на Принцевых островах представителей сторон, противоборствующих в Гражданской войне. Ее моральный урон для Белого движения, представители которого уравнивались «инициативой Принкипо» с большевиками, был очевиден для Виноградова. Поэтому он не скрывал сарказма при характеристике «глашатаев либерализма», «учеников Линкольна и Гладстона», способных лишь «выпускать манифесты» и «потрясать оружием», вместо того чтобы нанести им решающий удар. Завершал статью Виноградов предостережением о том, что искры российской революции могут долететь до европейских государств, указывая при этом на решения, принятые левыми радикалами в Циммервальде и Кинтале.

Следующая статья, теперь уже в «Таймс», появилась в конце марта²⁹, когда, казалось, начали сбываться пророчества Виноградова. Первый конгресс Коминтерна в Москве свидетельствовал о консолидации вокруг большевиков нарождающихся коммунистических партий европейских стран, а приход к власти в Венгрии Бела Куна создавал непосредственную угрозу центрально-европейским государствам. Однако Виноградов был далек от пустого злорадного утверждения своей правоты. Его статья свидетельствовала о том, что в своей поддержке идеи Лиги Наций он исходил не из узкокорыстных интересов превращения ее в инструмент борьбы с большевизмом, а из стремления к тому, чтобы она действительно была эффективным инструментом сохранения мира и основывалась на принципе справедливости. Он сосредоточил свое внимание именно на тех положениях, принятие которых, по его мнению, ослабило бы Лигу Наций. Прошедшие в Версале накануне появления статьи (20 и 21 марта) встречи с представителями «нейтральных государств» в подкомиссии по Лиге Наций, а также возобновившиеся заседания комиссии, разрабатывавшей соглашение о ней (22, 24, 26 марта), вновь продемонстрировали разногласия во взглядах участников совещаний. В выработке компромисса важное значение имела идея представительства наряду с великими державами малых

государств в Исполнительном совете Лиги, которому отводилась решающая роль в решении международных конфликтов. Помимо этого, в ходе выработки соглашения члены комиссии признали, что для обеспечения равенства всех участников Лиги необходимо также единогласие при принятии решения об обязательных санкциях против нарушителя, утвержденных в соглашении норм международных отношений. Такой подход значительно снижал эффективность Лиги прежде всего в «обуздании агрессора», так как был направлен на то, чтобы избежать обязательного арбитража.

Виноградов очень точно уловил причину, по которой предлагались решения, ослабляющие Лигу. Это было результатом того, что в интересах достижения политического компромисса снижалось значение юридических вопросов, которые, как казалось участникам мирной конференции в Версале, носили чисто технический характер. В отношении идеи представительства Виноградов вполне резонно задавал вопрос: как государства, имеющие разные, зачастую противоречащие интересы, могут представлять друг друга в Исполнительном совете Лиги? Относительно принципа «единогласия» он замечал, что разграничение правового и политического аспектов Лиги Наций, о котором он уже писал, позволит разрешать международные конфликты, вытекающие из нарушения прав государств, посредством решения суда (здесь нет необходимости в голосовании). В случае же столкновения интересов никакое мнение (единогласное или большинства) не будет иметь значения, если не будет решимости у ведущих держав мира отстаивать принципы справедливости. Именно последние должны стать сердцевинной формирующегося международного права.

В последующем Виноградов не возвращался к теме Лиги Наций. Сначала, возможно, потому, что в конце весны и начале лета 1919 г. дела в России представлялись как исключительно благоприятные для свержения большевиков силами Добровольческой армии, а затем в связи с провалом поддержки Лиги в Конгрессе США.

Откликом на успешные действия белых армий весной 1919 г. была статья Виноградова «Перспективы в России», появившаяся в июне в «Контемпорари ревью». Однако до этого в апреле и

мае 1919 г. сначала в «Русском народоправстве», а затем в «Форт-найтли ревью» появились две его статьи, знаменовавшие определенное изменение его взглядов. Короткая заметка в «Русском народоправстве» критиковала позицию поддержки большевиков, которой придерживались лейбористские и радикальные издания. Для Виноградова это было знаком непонимания англичанами происходящего в России. Он пытался показать, что усилия противников большевиков были направлены не на восстановление «старого режима», а на завоевание благоприятных условий для демократических преобразований. Не случайно он писал от имени тех, кто боролся с самодержавием, при котором они оказывались в ссылках и тюрьмах или вынуждены были покинуть родину. отождествляя себя с ними, Виноградов утверждал, что справедливость должна восторжествовать в России: «Земля останется в руках крестьян, которые веками обрабатывали ее; самоуправление будет достигнуто интеллигенцией, которая жертвовала благополучием и жизнью в борьбе за него; свободная мысль и социальная справедливость восторжествуют над насилием как справа, так и слева»³⁰.

Проявляемое англичанами непонимание происходящего в России обращало Виноградова к рассмотрению психологических причин Гражданской войны. Он видел их в глубокой культурной пропасти, которая образовалась между интеллигенцией и народом, начиная с Петровских реформ и даже со времен раскола. Характерно, что теперь, в новых условиях, он отказывался от критики славянофильства, присущей его работам 90-х гг. XIX в. и даже отчасти периода Первой мировой войны. Теперь он был готов признать правоту славянофилов, которые сумели многое разглядеть в русском народе и правильно определить задачу интеллигенции — сблизиться с ним. К тому же в поисках внутренних условий для возрождения он обращался к кооперативному движению, которое подтверждало верность славянофильской идеи о коллективизме русского народа, проявлявшемся в их времена в общинном устройстве. Мероприятия большевиков представлялись Виноградовым как доктринерское следование западным рационалистическим программам, восходящим к веку Просвещения. В целом западническая традиция общественного движения в России отличалась склонностью к

доктринерству и стремлением перенести западные достижения на русскую почву механически, без учета ее специфики³¹.

Возвращаясь к оценкам Виноградовым перспектив развития событий в России в конце весны и начале лета 1919 г., следует отметить, что он исходил из признания возможности установления военной диктатуры после победы над большевиками. Но при этом он предупредил, что возрождаемые такой возможностью реставраторские настроения не должны возобладать. Ростки таких настроений он видел в действиях Колчака, который предпочел союзу с антибольшевистски настроенными социалистами их арест под предлогом укрепления дисциплины и порядка. Вновь подтверждая свою верность республиканскому устройству России, Виноградов подчеркивал важность восстановления не только законной власти в стране, но и прежде всего права, которым может быть оправдана власть³². Однако напоминание о модели парламента, основанного на представительстве от органов земского и городского самоуправления, оказалось тщетным из-за поражения армий Деникина и Колчака.

Последней надеждой оставались войска Врангеля, на необходимость поддержки которых указывал Виноградов в период советско-польской войны³³. Но политика нейтралитета, проводимая английским правительством, оказалась, по мнению Виноградова, на руку большевикам, сумевшим воспользоваться ею для заключения мира с Польшей и для концентрации сил против последнего оплота белых в Крыму. «Крушение Врангеля. *Vae, victis!*»* — записал в дневнике 15 ноября 1920 г. Виноградов³⁴.

Определяя причины поражения антибольшевистских сил, он свел их к трем основным: «несогласованности действий их <большевиков> русских противников, психологическим последствиям всеохватывающей революции и колебаниям враждебности к ним иностранной коалиции»³⁵. Фатальное отставание белых в восприятии результатов революции вело к тому, что поддержка населения, которую могло укрепить проведение аграрных преобразований в отвоеванных районах, оборачивалась недовольством и ненавистью после продовольственных реквизиций. К

* Горе побежденным! (*лат.*)

тому же формирование окружения Колчака, Деникина, Врангеля из представителей прогнившего старого режима, коррумпированной бюрократии и своекорыстных помещиков воспринималось как возвращение дореволюционных порядков. В условиях, когда произошло крушение всех освященных временем институтов и верований — самодержавия, церкви, традиционной производственной дисциплины, семейных связей, торговли, денег, — утверждение идеалов нового времени напоминало историку погребальный танец (*danse macabre*), ведомый под аккомпанемент насилия, лицемерия, кощунства и похоти. Если даже образованные классы в этих условиях «потеряли голову», то что можно было требовать от неграмотных крестьян, полубразованных рабочих и отчаявшихся солдат. Вновь возвращаясь к сравнению со Смутным временем, историк подчеркивал, что тогда ведущие идеи религии, морали и социального порядка были проще и яснее.

Наконец, союзники могли и должны были помочь, но среди их политических лидеров не оказалось фигур калибра Питта или Веллингтона. Некоторые империалисты по старинке стремились к ослаблению России любой ценой; западные радикалы, верившие в абсолютное стремление русского народа к свободе, готовы были поддержать Дзержинского, который подчинил страну репрессивному контролю; английские и французские социалисты, боготворившие Ленина, готовы были приветствовать его тиранию, — давал расширенное объяснение непоследовательной политике союзников Виноградов. Таков был новый контекст обращения к осмыслению причин революций 1917 г. в России, о которых он много писал по горячим следам событий.

«Предлож^{ени}е Enciclop^{aedia} Britan^{nica} £ 200 за 50 стр^{аниц} или меньше, уплата за особые издержки» — эта запись появилась в дневнике Виноградова примерно за месяц до упоминания о падении Врангеля³⁶. С этого времени началась интенсивная работа над статьями для «Британской энциклопедии» по истории России начала XX в. Результатом ее стали очерки «Россия», «Врангель», «Гучков», «Деникин», «Ленин», «Троцкий» и др. В основе исследования лежала обширная источниковая база, начиная от эмигрантских газет и воспоминаний и заканчивая «важнейшими большевистскими изданиями». Разносторонний

характер источников создавал основу для внешне объективного повествования о событиях в России с изложением различных взглядов. Однако при внимательном чтении вполне отчетливо в тексте видна личная позиция автора.

Изложение событий с начала XX в. позволяло Виноградову детально развить высказанное им ранее положение о нарастании революционных настроений и неизбежности революции в России, о чем свидетельствовали «разложение бюрократической системы управления, запутанность внешней политики империи, распространение экстремистских настроений среди образованных классов, нищета и недовольство простого народа»³⁷. Основная вина при этом возлагалась им на правительство, которое не сумело найти общий язык с реформаторами и отказалось от опоры на общественность, изолировав себя от общества своекорыстной бюрократией. Тем самым политика столыпинского и последующего кабинетов была обречена на провал, проявлением чего стали реакционное наступление на студенчество и образованные классы при министре образования Кассо, ущемление политических интересов нерусских национальностей при введении земского управления в западных губерниях, неудача аграрной реформы, противодействие прогрессивным предложениям Думы и т. д.

Возможность опереться на общественность, объединить усилия нации для прогрессивных преобразований вновь возникла в начале войны в результате общественного подъема, охватившего все общество, — повторял свое высказывание 1914 г. Виноградов³⁸. Однако и эта возможность была упущена по вине царя и его окружения. В очерке о Николае II он отмечал неподготовленность императора к управлению страной в столь сложной ситуации. Гнилость бюрократической системы особенно отчетливо проявилась в годы войны на фоне активной и эффективной работы земств. В результате в сознании всех слоев общества утвердилась мысль о невозможности дальнейшего развития страны при сохранении существующего правительства, мысль, которая проникла даже в придворные круги. Поэтому случайного повода — недостатка хлеба в Петрограде — оказалось достаточно, чтобы спровоцировать непредсказуемые по своим последствиям действия рабочих и обывателей столицы.

Виноградов рассматривал начавшуюся революцию как стихийное явление, которое не могло быть подчинено никаким программным установкам, как полагали лидеры различных политических партий. Повествование о событиях после февраля 1917 г. было подчинено стремлению показать, как социальная стихия, выйдя из-под контроля лидеров либеральных партий, постепенно разрушала российскую государственность. Сначала пострадала армия, в которой началось разложение. Затем настал черед внешней политики, которая оказалась подчиненной не национальным интересам, а интернациональной утопии социал-демократов, что было на руку противнику — германскому империализму. За этими оценками явственно проглядывала собственная патриотическая позиция Виноградова, уверенного в необходимости ведения войны до победного конца вместе с союзниками для обеспечения прогрессивных преобразований в стране. Этим же объясняется резко отрицательное отношение историка к циммервальдской политике большевиков и принятие на веру факта их финансовой поддержки со стороны германского правительства.

Наиболее существенным негативным последствием разгула революционной стихии стало «смещение центра притяжения в политическом мире». Причинами утраты Временным правительством влияния на ход событий автор назвал узкий характер представительства в IV Думе, на базе которой оно было сформировано, и противодействие Советов. Попытка внести гармонию в деятельность двух политических центров путем включения социалистов во Временное правительство обернулась неудачей. «На практике правительство оказалось уступчивым по отношению к влиянию <Петроградского> совета, чей агрессивный социализм не сдерживался никаким чувством ответственности», — писал Виноградов³⁹. Деятельность в правительстве А.Ф. Керенского, В.М. Чернова и М.И. Скобелева только усиливала разложение национального организма, которому активно содействовали большевистские лидеры — В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, вернувшиеся из-за границы. Особенно язвительно Виноградов отзывался о вояжах на фронт Керенского, которые отнюдь не способствовали подъему боевого духа солдат, а, скорее, развеивали остатки уважения к правительству, результатом чего стало

окончательное разложение армии и, как следствие, неудача июльского наступления, несмотря на отвагу и героизм отдельных воинских частей. Другим фактором, разрушающим российскую государственность, являлось национальное движение, которому автор отнюдь не симпатизировал.

Июльские события оценивались Виноградовым как попытка большевиков совершить военный переворот, который закончился провалом. Только боязнь представителей социалистических партий показаться недостаточно революционными определила отказ от жестких мер правительства в отношении большевиков и дальнейшее нарастание разлагающего действия революции. Создание после отставки Г.Е. Львова «сильного революционного» правительства во главе с Керенским стало прологом «второй революции» в России. Предотвратить ее негативное воздействие еще было возможно, по мысли Виноградова, во время августовского совещания, «если бы лидеры ясно осознали, что опасность кроется не в контрреволюции, а в дезорганизации»⁴⁰. Попытка Корнилова выступить в поддержку порядка оказалась также неудачной из-за бездарности его гражданского окружения, что только ухудшило положение, поскольку Керенский не осознавал, что упущена последняя возможность восстановления порядка в стране. Дальнейший ход событий привел к власти большевиков, которые узурпировали ее в результате государственного переворота. Последняя попытка вернуться к законному политическому развитию страны — созыв Учредительного собрания — была пресечена новым правительством силой под аккомпанемент демагогических заявлений о формальном характере буржуазной демократии. Причину утверждения большевиков у власти Виноградов видел в следующем: «Солдаты бежали с фронта, чтобы грабить и убивать именем Революции: никто не был готов удовлетворять и прославлять их в большей степени, чем большевики. Следовательно, это было достаточным "прагматическим" оправданием большевистского государственного переворота. Естественно, первыми актами новой эры были декреты исполнительного комитета <ВЦИК>, провозглашающие отмену частной собственности и решение заключить демократический мир»⁴¹.

Характеризуя Белое движение, Виноградов не только представил основные этапы борьбы против большевиков, но и де-

тализовал на конкретном материале сделанные им ранее выводы об отсутствии единства между армией и тылом и внутри руководства белых, а также о непоследовательности политики союзников, что стало причинами поражения антибольшевистских сил.

Основное внимание он сосредоточил на выявлении той роли, которую играло большевистское правительство. По мнению Виноградова, действия новой власти были направлены на беспешное претворение в жизнь положений коммунистической доктрины, утопичность и несостоятельность которой проявлялись в соприкосновении с конкретной практикой. Оценивая Конституцию РСФСР, принятую на Пятом съезде Советов, Виноградов подчеркивал формальный характер права на самоопределение народов, включенных в состав федерации. Помимо этого, в ней нарушался принцип демократического равенства при выборах в советы, поскольку непропорциональным представительством ущемлялись права крестьянства, не говоря уже об «эксплуататорских классах», которые вообще лишались права участвовать в формировании представительных органов. Право отзыва депутатов, по мнению Виноградова, предоставляло возможность манипулировать выборами, посредством которых большевики добивались выгодного им представительства в советах. В целом Конституция представляла «инструмент для подавления бывших привилегированных классов и средство пропаганды для образования народа, который хотел верить в успехи коммунистического правления»⁴². Однако на деле такое правление оборачивалось новыми репрессиями не только против буржуазии в городах, но и против «кулачества» в деревне.

Специалист в области правоведения, Виноградов не мог не отметить разрушающее воздействие социальной доктрины марксизма на гражданское право, правовое регулирование семейных и договорных отношений. Утверждение идей профессионализации образования, господство «Пролеткульта» в литературе, развертывание антирелигиозной пропаганды и преследование служителей церкви вели, по его мнению, к дальнейшему подрыву нравственных оснований общества.

Столь же пагубными были последствия реализации утопического эксперимента в области экономики. Подводя итоги трех-

летнего правления большевиков, Виноградов отмечал не только политический развал государства, но и разрушение экономических связей между его обособившимися частями и между городом и деревней. «Экономическую эволюцию "Совдепии", — обобщал Виноградов, — можно описать как регресс от коммерческого к натуральному хозяйству»⁴³. «Натурализация» экономики была связана с подрывом кредита, что усугублялось политической борьбой против капитала, насильственными экспроприациями и отказом от государственных обязательств по внешним займам. Однако полностью уничтожить торговые отношения большевики не смогли и вынуждены были восстановить местный товарооборот. Правда, в этом Виноградов не склонен был видеть осознание большевистскими лидерами пагубности их доктринерства.

Так же скептичен был Виноградов в оценке аграрной политики новой власти. Национализация земли привела к переходу ее в руки крестьянства, что необходимо было признать, как считал Виноградов, неизбежным результатом революции. Но попытки большевиков разрешить продовольственный кризис путем проведения продразверстки и создания колхозов и совхозов была обречена на неудачу. Ее признанием стал переход к продналогу в марте 1921 г.

В области промышленности меры большевиков также обернулись провалом. Установление рабочего контроля, устранившего от руководства предприятиями предпринимателей, привело к анархии производства, а проведение национализации не смогло предотвратить хаос, лишь усилило бюрократизм в управлении. В конечном итоге большевики вынуждены были отступить и здесь, признав необходимость разрешить иностранные концессии и мелкое предпринимательство, привлечь специалистов, перейти от повременной к сдельной оплате труда, обратить внимание на развитие потребительской кооперации. Однако Виноградов был скептично настроен в отношении проводимых мероприятий, считая, что они не приведут к возрождению России, пока большевики находятся у власти. Вместе с тем он не верил в возможность их свержения как в результате внутренних выступлений, так и путем вторжения эмигрантских воинских формирований, которые утратили поддержку бывших союзных держав.

Таким образом, в оценках Виноградовым революционных событий и Гражданской войны в России проявились особенности его мировоззрения и положения добровольного эмигранта, покинувшего страну еще в 1901 г. в знак протеста против царившего в ней бюрократического произвола. Для их правильного понимания нужно учитывать то, что, во-первых, это был «взгляд из Англии». В своем стремлении повлиять на складывание благоприятного для антибольшевистских сил общественного мнения у англичан о происходящем в России историк вынужден был учитывать другие подходы к событиям, появлявшиеся на страницах английской прессы. Во-вторых, его оценки определялись его политическими пристрастиями, о которых он открыто заявил еще в 1905 г., указав на близость своей позиции к либералам умеренного толка. Сохраняя приверженность умеренному либерализму, Виноградов, однако, под влиянием революции вносил коррективы в свою политическую программу. Наиболее существенные изменения в ней определялись признанием результатов экспроприации помещичьих земель крестьянством и необходимости федеративного устройства Российского государства. Наконец, в-третьих, рассмотрение Виноградовым событий 1917 — 1921 гг. в России опиралось на органическое видение исторического процесса, при котором общество представлялось как эволюционно развивающийся организм, воплощающийся в национальном государстве. Такой взгляд допускал возможность лишь назревших и утвердившихся в общественном сознании политических изменений, которые не затрагивали бы основ существования государственности. Поэтому в оценке революционных событий «по горячим следам» после февраля 1917 г. проглядывало стремление раскрыть их исторические предпосылки, определить тенденции дальнейшего развития. За всем этим стояла вера Виноградова в то, что революция будет протекать по историческим законам, зная которые можно определить ее рамки. Однако более глубокие социальные преобразования после октября 1917 г. превращали революцию в стихийную силу, разрушающую органическую целостность общества и, как следствие, государственность.

Такой поворот событий требовал переосмысления теории исторического процесса. Подспудно оно намечалось в статьях об истории России начала XX в., написанных для «Британской

энциклопедии». Если в политической публицистике 1917 — 1921 г. он анализировал длящийся, «открытый» процесс, то в энциклопедических статьях он должен был представить его как завершённый. Те моменты недавнего прошлого, в отношении которых историк высказывал свои суждения о возможных перспективах их развития и давал советы политическим лидерам, теперь рисовались как упущенные возможности, что позволяло выносить моральные оценки действиям тех, от кого, как полагал Виноградов, зависел ход дел. Этим вызывалось изменение представлений о роли личности в истории. Если в рамках органицизма исторические условия определяют направление и характер деятельности людей, то есть они подчинены историческим условиям, то новый взгляд предполагал, что личность, политические партии, социальные группы действуют в определенных условиях, ставят перед собой определенные цели, стремятся к их достижению и ответственны за результаты своей деятельности. Поэтому наряду с причинным объяснением и «законосообразностью» в истории Виноградов в новых условиях признавал большое значение в ней «целесообразности и идеальных мерил»⁴⁴. Вид аргументации, который используется при таком подходе, — контекстуализм. Переходя от органицизма к контекстуализму, Виноградов тем самым открывал для себя возможность более адекватного выражения своих либеральных взглядов. Неудивительно поэтому, что он нередко быстрее и точнее идеологов Белого движения определял те меры, которые могли бы принести ему успех: решение аграрного вопроса в соответствии с принципами, определенными в ходе революции, и поддержка кооперативного движения; признание независимости Финляндии и Польши и предоставление широкой автономии другим народам России, прежде всего — украинцам и белорусам; укрепление земского самоуправления на контролируемых территориях и др. Однако этого не произошло. В полном объеме и вполне осознанно новые подходы к истории Виноградов вынужден был применять к изучению западно-европейского материала. С родиной же произошло горькое болезненное расставание. В 1918 г. историк принял английское подданство, а с 1921 г. практически перестал публично откликаться на события в России, которые шли не так, как виделось и желалось им в дореволюционный период.

Неутешительные вести, приходившие из России, недалеко-видные, по мнению Виноградова, действия английского правительства в отношении новой власти на его родине, склоки в эмигрантской среде нарушали душевное равновесие, подрывая здоровье уже немолодого ученого. Времена, когда о нем говорили, что он не знает, что такое головная боль, давно ушли в прошлое. Особенно сильно досаждала близорукость. Но, несмотря ни на что, он продолжал свои исследования.

Последней книгой, над которой работал Виноградов, были «Очерки исторического правоведения». По замыслу автора, они должны были стать итогом многолетних исследований, в которых воплощалась его давняя мечта применить сравнительный метод в изучении всеобщей истории. Правда, теперь исследуемый предмет сужался до одной ее сферы — права, но анализ его осуществлялся на широком социальном фоне. Такая метаморфоза отнюдь не была случайной, так как еще в магистерской диссертации, посвященной изучению проблем становления феодализма в Лангобардской Италии, докторской диссертации и последующих монографических исследованиях процесса феодализации в Англии, он показал великолепное владение методикой источниковедческого анализа правовых документов. На этой основе сформировалось его убеждение, что правоведение может рассматриваться как предмет науки, к которому приложим метод не только «индуктивного анализа», но и «индуктивного обобщения, основанного на исторических и этнографических наблюдениях». «В области индуктивного правоведения, — пояснял свою мысль слушателям своей инаугуральной лекции в Корпус-Кристи-колледже Виноградов, — право — не что иное, как одно из проявлений истории; история же понимается в широком смысле изучения социальной эволюции человечества»⁴⁵. Так возникал проект исторического правоведения, законы развития которого можно раскрыть путем сравнительного изучения материала.

Однако четкие контуры этот проект обрел лишь девять лет спустя, когда в 1913 г. в приветствии, обращенном к участникам секции правовой истории Международного конгресса историков в Лондоне, возглавлявший ее работу Павел Гаврилович сформулировал основные принципы реализации задуманного. Вновь

подтверждая свою приверженность сравнительному методу, он указал на необходимость исторического изучения предмета, чтобы не только верно объяснить «общую фразеологию права», но и понять процесс «юридического мышления» в различные исторические эпохи. Ключом к пониманию должен был стать анализ «влияния социального типа на формирование определенных рамок юридической теории»⁴⁶. Здесь же была предложена типология социальных ассоциаций, которая станет позже основой для общего плана «Очерков исторического правоведения». Правда, начало их написания было значительно задержано Первой мировой войной и последовавшими затем революционными потрясениями на родине историка.

Только в 1920 г. был опубликован первый том «Очерков». Верный своим исследовательским принципам, Виноградов начинал изучение с методологической постановки проблемы и историографического обзора. В первой части введения он рассмотрел соотношение правоведения с другими дисциплинами — логикой, психологией, социологией и политической теорией, что позволило ему точно определить предмет и метод исследования. Анализ работ предшественников показал тот фундамент, на который он может опираться в своем дальнейшем движении. «Введение» оказалось настолько удачным, что было издано отдельной книжкой. Интерес к ней определялся тем, что она знакомила английских студентов с континентальной традицией правоведения. «Мы видим старые проблемы, трактуемые с иной точки зрения, — отмечал в своем выступлении перед Британской академией, посвященном памяти Виноградова, профессор В.-С. Холдсворт, — и мы открываем новые проблемы, на которые наши собственные исследователи юридической теории никогда даже не намекали»⁴⁷.

В отечественной литературе неоднократно отмечалась критика Виноградовым во «Введении» марксистского подхода к изучению материала⁴⁸. При этом в стороне оставался вопрос о мотивах такой критики, а вместе с этим упускалась из виду положительная сторона теоретических взглядов Виноградова на предмет и метод изучения исторического правоведения.

Виноградов познакомился с основными положениями марксизма еще в 70-80-е гг. и высоко оценил вклад К. Маркса в изуче-

ние экономической истории, и прежде всего Англии⁴⁹. Не изменил этой оценки Павел Гаврилович и после революции, хотя и указывал на важное значение марксистского подхода лишь при аналитических исследованиях в политэкономии. Но именно в этой сильной стороне марксизма коренилась и его слабость, заключающаяся в односторонней трактовке исторического процесса с позиций экономического детерминизма. В области права следование марксизму, по мнению Виноградова, порождало опасности как с теоретической, так и с практической точек зрения. Понятно, что практика реализации марксистской доктрины у него на родине не могла вызвать положительных оценок Виноградова. В области теории экономической детерминизм вел к отрицанию самостоятельного значения права и правовому нигилизму. В статье «Перспективы исторического правоведения» он замечал по этому поводу: «Раз все сводится в теории к фатальному влиянию экономических условий, правовые нормы не нужны или вредны: в лучшем случае они лишь облачают фактически сложившиеся отношения в более или менее прочные формы, в худшем случае они тормозят движение, создают преграды, которые приходится разбивать с затратой энергии, нужной для разрешения положительных задач. Эти абсурды дорого обходятся обществам, над которыми оперируют экономические материалисты. Но наука должна быть от них свободна»⁵⁰.

Однако при этом Виноградов, с одной стороны, отнюдь не отстаивал формализма, свойственного догматической школе в правоведении, представленного в Англии последователями Остина. Их подход был неисторичен и не учитывал связи формы и содержания, которое изменяется в процессе социальной эволюции. С другой стороны, Виноградов не отрицал утверждения социалистических тенденций в развитии современного правоведения. Правда, выводы солидариста Дюги о том, что человек является общественной функцией, не разделялись Виноградовым, который справедливо замечал, что на такой основе невозможно построить концепцию личности и воли, а значит, и провести различие между субъективным и объективным правом. Но и идею Иеринга, которого Виноградов высоко ценил, о ведущем значении интересов для определения роли права, которое должно было их гармонизировать, Павел Гаврилович считал поста-

новкой чрезмерной задачи перед правоведением. По его мнению, в области права наиболее определенно выражена проблема отношений между условиями и усилиями, между целями и средствами.

Такая постановка проблемы вела Виноградова в его поисках методологии изучения предмета исторического правоведения к неокантианству. Противопоставление методов естественных наук и наук о культуре, как методов генерализирующего и индивидуализирующего, и акцент на последнем при изучении истории, характерные для Риккерта и Виндельбанда, казались Виноградову преувеличением. Он считал метод исторической науки синтезирующим знания о всех сторонах человеческой жизни в прошлом. Вместе с тем Виноградов признал симптоматичным для современного развития исторического познания указание немецких ученых на важность «целесообразности» и «идеальных мерил» в изучении общественной эволюции. Применительно к историческому правоведению это означало раскрытие целесообразности того или иного общественного типа, которому служит данная система права. В качестве цели правоведения, которая может быть, как и всякая цель, осознана или не осознана, Виноградов определял утверждение начал справедливости в том ее понимании, которое господствовало в тот или иной период истории. Тем самым он приближался к идее «идеальных типов», которую разрабатывал М. Вебер⁵¹. Многоотное исследование Виноградова должно было показать, как с переходом от одной социальной ассоциации к другой шло изменение правовых сознания и норм, начиная от их зарождения в тотемическом обществе вплоть до современности. Выделяемыми Виноградовым типами были: родовое право; гражданское право; право Средневековья, выступающее как комбинация канонического права и права феодального; индивидуалистическая и, наконец, нарождающаяся социалистическая юриспруденция⁵².

В части первого тома о родовом праве автором анализировался ранний период юридической истории. Опираясь на сравнительное изучение обычного права индоевропейских народов, Виноградов увидел его характерную черту в том, что его нормы как бы вытекали из жизненного уклада родовой, племенной и общинной организации. Поэтому главная функция тех, кто фор-

мулировал юридические понятия, состояла в том, чтобы «найти право и дать выражение чувству принадлежности к общности в отношении правовых актов»⁵³. Это определение базировалось на детальном анализе правил регулирования семейно-родственных отношений и связанных с ними владельческих прав и прав наследования.

Второй том, вышедший из печати в 1922 г., был развитием идей ранних работ о греческом полисе, которые появились из-под пера Виноградова еще в начале 90-х гг. XIX в. вскоре после открытия в Англии трактата «Афинская полития», и лекций, читавшихся в Оксфорде в 10-е гг. XX столетия. Определяя особенность периода как становление государственности на племенной основе в форме полиса, Виноградов заметил, что его право «зависит от одного доминирующего факта — природы городского сообщества»⁵⁴. В отличие от родового права, право полиса утверждалось для политического управления городом. В нем были интегрированы элементы старого права и нового, сближающего его с римским. Однако последнее пошло в своем развитии дальше в период перехода от республики к империи, сложившись в стройную систему, в то время как право греческого полиса так и осталось на более ранней ступени.

Третий том должен был представить анализ и синтез средневекового правоведения. Однако он не был завершен из-за смерти историка. Опубликованные посмертно родственниками при помощи друзей и коллег две главы начатой книги, а также наброски, хранящиеся в библиотеке школы права Гарвардского университета⁵⁵, позволяют определить то направление, в котором шло изменение взглядов Виноградова. Синтетическое рассмотрение правоведения предполагало, что средневековое право должно изучаться как результат компромисса «между обычаем, материальной силой и религиозным вдохновением»⁵⁶. Поэтому предметом исследования становились не правовые доктрины средневековых юристов, а то понимание права, которое складывалось в повседневной правовой практике. «Правоведение не является простой системой теорий, выработанных учеными людьми, но комплексом принципов, созданных или принятых обществом как целым для того, чтобы удовлетворять требования повседневной жизни, — писал Виноградов. — Эти

принципы с необходимостью соотносятся с привычками и мыслями простого народа, и это особенно характерно для средних веков с их скудным снаряжением просвещенной цивилизации»⁵⁷. Вместе с тем он подчеркивал интегрирующую роль церкви, которая определялась теми «идеалами и привычками социальной кооперации», которые она вносила в жизнь. Именно это подразумевалось Виноградовым во «Введении» к «Очеркам», когда он писал, что «феодалное право имеет слишком узкий, а каноническое право слишком широкий базис: одно отправляется от поместья, другое — от человечества»⁵⁸. При таком подходе очерк феодализма, сделанный им для кембриджской истории, становился односторонним, так как в нем раскрывалось лишь влияние феодального права на складывание феодальных институтов без учета его диалектического взаимодействия с каноническим правом. Поэтому начинать повествование третьего тома «Очерков» логично было не с определения ведущей роли феодального контракта в формировании социальных связей, когда «земельное держание определяло политические права и обязанности»⁵⁹, а с основных элементов социальной организации, автономных сообществ, которые должны быть связаны воедино. Так намечалось дальнейшее смещение акцента в изучении Виноградовым Средневековья: если в докторской диссертации и в монографии «Вилланство в Англии» основной системообразующей социальной ячейкой средневекового общества выступала сельская община, а в исследовании «Рост манора» — манор, то в «Очерках» ей должно было стать «товарищество» (fellowship)⁶⁰. Весьма показательным было и то, что отправной точкой становилось «Разложение европейского общества». Думается, что не без влияния современных наблюдений над происходящим на родине Виноградов отказывался от характерной для его дореволюционных работ идеи континуитета, преемства при переходе от Римской империи к Средневековью, и подчеркивал разрыв в историческом процессе.

Конечно, в «Очерках исторического правоведения» можно найти недостатки — прежде всего отсутствие единого критерия периодизации и ограничение анализируемого материала, начиная со стадии гражданского права, только европейской традицией⁶¹. Однако нужно помнить, что это была первая попытка, и

попытка во многом успешная, исторического синтеза развития правоведения, которая в силу грандиозности задачи не нашла своего продолжателя до настоящих дней.

Большой международный авторитет Павла Гавриловича позволял ему деятельно откликнуться на невзгоды тех российских ученых, кто вынужден был покинуть родину после революции. При его активном участии в 1921 г. в Лондоне был создан Международный комитет помощи русским ученым за границей. В этом же году в Америке при поддержке фонда Карнеги началось издание серии книг о Первой мировой войне. Редактором разделов, посвященных России, был назначен Виноградов, пригласивший русских писателей и ученых для их написания. Как действующий президент Союза академий он стремился содействовать публикации трудов русских ученых на английском, немецком, французском и других европейских языках в академических изданиях в Лондоне, Брюсселе, Риме, Амстердаме, Белграде, Кракове, Праге, Бухаресте⁶².

В последние годы Виноградов много путешествовал, читая лекции по приглашению ведущих университетов мира. В 1921 г. его аудиторию составляли студенты Лейдена, Брюсселя, Гента. В 1923 г. он совершил большой тур через всю Америку, выступая с лекциями и проводя семинары в Велиамстаунском институте политики (Массачусетс), в университетах Калифорнии (в Беркли), Мичигана, Медисона (в Висконсине), в Йельском и Колумбийском университетах, в университете Дж. Хопкинса⁶³. В следующем году он вновь посетил Велиамстаун, а также институт сравнительного изучения культуры в Осло и университет г. Упсала (Швеция).

Новым знаком признания научных заслуг Виноградова стало присуждение ему докторской степени *honoris causa* Сорбонной. Подготовленный историком для чтения в клубе истории права в Париже доклад «Некоторые проблемы истории англо-нормандского права» свидетельствовал, что он по праву заслужил это высокое звание⁶⁴. Однако текст был зачитан французским профессором П. Колине из-за болезни Павла Гавриловича. Простуда, которая не вызывала сначала опасений, обернулась осложнением, приведшим к смерти историка 19 де-

кабря 1925 г. Отпевание прошло в русском храме на рю Дарю. Прах после кремации был перевезен в Оксфорд, где захоронен. Эпитафия, выбранная когда-то самим Виноградовым, выразила признательность человека, нашедшего в Англии вечное пристанище:

HOSPITAE BRITANNIAE GRATUS ADVENA*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Parker Ch. Paul Vinogradoff, the delusions of Russian liberalism, and the development of Russian studies in England // *Slavic and East European review*. 1991. Vol. 69. № 1. P. 58-59; Антощенко А. В. П. Г. Виноградов о революциях 1917 г. в России // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 1999. С. 64-72.

² См.: Vinogradoff P. The outlook in Russia // *Welsh outlook*. 1918. January. P. 18.

³ Виноградов специально выбрал Смутное время в русской истории темой своей лекции, прочитанной в январе 1918 г. См.: Vinogradoff P. Troubled time in Russian history // *History: Historical association*. N.Y., 1918. P. 1-9.

⁴ См.: Vinogradoff P. Russia and the future // *Observer Sunday*. 1918. March 10.

⁵ См.: Rurik [Leeper R.] The Bolševiks // *New Europe*. 1918. April 4. P. 360-366; Idem. April 11. P. 385-391; Idem. April 25.

⁶ См.: Vinogradoff E «The Bolseviks»: A Protest // *New Europe*. 1918. May 2. P. 71-72.

⁷ См.: Seton-Watson H., Seton-Watson Ch. The making of a New Europe: R.W. Seton-Watson and the last years of Austria-Hungary. L., 1981. P. 282, 289 (fn. 40).

⁸ См.: Vinogradoff P. The manner of intervention in Russia // *New Europe*. 1918. June 6. P. 176-178.

⁹ См.: The Russian commonwealth // *Russian commonwealth*. 1918. November 1. P. 1-2.

¹⁰ См.: Виноградов П. Г. За и против республики / Публ., предисл. и коммент. А. В. Антощенко // *Исторический архив*. 1997. № 2. С. 53-62; Ibid. The legal and the political aspects of the League of Nations // *Russian commonwealth*. 1918. November 1. P. 5-9.

¹¹ Виноградов П. Г. За и против республики. С. 57.

* Гостеприимной Британии благодарный пришелец (*лат.*).

¹² Там же. С. 58. Представляется, что утверждение И.В. Шкловского-Дионео о том, что Виноградову «было ясно уже в начале 1918 г., что из коммунизма ничего не выйдет и что Россия, когда она так или иначе избавится от большевиков, будет федеративной республикой» (см.: Д и о н е о [Шкловский И.В.]. П.Е Виноградов и революция // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 249), не совсем точно в последней его части. До появления в 1919 г. статьи «Ситуация в России» в сборнике «Восстановление России», редактором которого был Виноградов, Павел Гаврилович ни в одной из известных мне работ не упоминал о возможном федеративном устройстве Российского государства. Но об этом — чуть ниже.

¹³ Ср.: Виноградов П. Г. Политические письма // Русские ведомости. 1905. 19 авг.

¹⁴ См.: Vinogradoff P. The fate of Russia // Times. 1918. October 22.

¹⁵ Поддерживая Уфимскую директорию, Виноградов разделял мнение других членов союза «Русское народоправство», который пропагандировал в Англии программу и деятельность этого правительства. См.: Towards National Unity. Constitution of United government // Russian commonwealth. 1918. November 1. P. 17-20.

¹⁶ См.: Mayer A. J. Politics and diplomacy of peacemaking: Containment and counterrevolution at Versailles, 1918-1919. L., 1968. P. 286. Лейбористы не считали красный террор достаточным основанием для продолжения интервенции. См.: Graubard S. R. British labour and Russian revolution, 1917-1924. Cambridge (Mass.), 1957. P. 67-70.

¹⁷ На совещании Высшего военного совета 12 января 1919 г. было решено «заслушивать» русских эмигрантов посредством меморандумов и частных интервью. В представленных 18 января 1919 г. «Правилах Конференции», определяющих порядок ее проведения, было зафиксировано, что «условия, регулирующие представительство России, будут определены конференцией, когда подойдет <время> обсуждения российских дел» (Thompson J. M. Russia, bolshevism and the Versailles peace. P. 81). В целом о дискуссиях по проблеме представительства см.: Ibid. P. 63-81; Mayer A. J. Politics and diplomacy of peacemaking... P. 288-294.

¹⁸ См.: Thompson J. M. Russia, bolshevism and the Versailles peace. P. 24.

¹⁹ См.: Ibid. P. 31-32; Mayer A. J. Politics and diplomacy of peacemaking... P. 317-318.

²⁰ См. об этом: Egerton G. W. Great Britain and the creation of the League of Nations. Strategy, politics, and International Organisation, 1914-1919. Chapel Hill, 1978. P. 44-80.

²¹ См.: Виноградов П. Г. Английское общественное мнение и война // Биржевые ведомости. 1915. 28 февр. (13 марта); Он же. Мечты о мире // Там же. 1916. 22 марта (4 апр.); Ibid. The causes of the war // *Scientia*. 1915. Vol. XVII. P. 435.

²² См.: Swartz M. The Union of democratic control in British politics during the First world war. Oxford, 1971. P. 103-117.

²³ См.: Vinogradoff P. Common sense in law. L., 1914; Он же. Очерки по теории права. Пг., 1915. См. также: Томсинов В. А. Павел Гаврилович Виноградов // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1997. № 1. С. 53-55.

²⁴ Vinogradoff P. The legal and the political aspects of the League of Nations. P. 8-9.

²⁵ См.: Vinogradoff P. The situation in Russia // The reconstruction of Russia. L. etc., 1919. P. 7-25.

²⁶ Idem. P. 9.

²⁷ См.: Виноградов П. Г. Мечты о мире // Биржевые ведомости. 1916. 23 марта (5 апр.). Ср.: Vinogradoff P. The situation in Russia. P. 13, 25.

²⁸ См.: Vinogradoff P. Russian realities: The truth and the paradoxes // *Observer*. 1919. February 16.

²⁹ См.: Vinogradoff P. The covenant of the league. Great and small powers // *Times*. 1919. March 28.

³⁰ Vinogradoff P. The policy of the pro-bolsheviks // *Russian commonwealth*. 1919. Vol. 1, № 9. P. 206.

³¹ См.: Vinogradoff P. Western and Eastern ideals in Russia // *Fortnightly review*. 1919. May 1. № DCXXIX. P. 670-677.

³² См.: Vinogradoff P. Prospects in Russia // *Contemporary review*. 1919. Vol. CXV. P. 608.

³³ См.: Vinogradoff P. South Russia. The true focus of allied policy // *Times*. 1920. July 13.

³⁴ *Diary* // HLSL. SC. Vinogradoff's papers. B. 1. F. 1.

³⁵ Vinogradoff P. Russia at the cross-roads // *Contemporary review*. 1921. Vol. CXIX. P. 739.

³⁶ Ibid.

³⁷ Vinogradoff P. Russia // *Encyclopaedia Britannica*. 12th edition. 1922. Vol. XXXI. P. 309.

³⁸ Ср.: Vinogradoff P. *The Psychology of a Nation*. Oxford, 1914.

³⁹ Vinogradoff P. *Russia*. P. 320.

⁴⁰ Ibid. P. 321.

⁴¹ Ibid. P. 323.

⁴² Ibid. P. 329.

⁴³ Ibid. P. 336.

⁴⁴ Виноградов П. Г. Перспективы исторического правоведения// Современные записки. 1921. Кн. 21. С. 155-156.

⁴⁵ Виноградов П. Г. Учение сэра Генри Мэна// Научное слово. 1904. Кн. VIII. С. 74 (пер. Е.Н. Орловой); ср.: The teaching of sir Henry Maine// Vinogradoff P. Col. pap. Vol. 2. P. 188.

⁴⁶ Vinogradoff P. Presidential address// Essays in legal history. L. etc., 1913. P. 10.

⁴⁷ Holdsworth W.S. Professor sir Paul Vinogradoff. L., 1926 (?). P. 10.

⁴⁸ См., напр.: Стоянова Н. И. Объект исторического познания у П.Г. Виноградова// Актуальные проблемы социального познания. М., 1982. С. 71-72; Графский В. Г. Павел Гаврилович Виноградов как историк права// Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 107.

⁴⁹ См.: Виноградов П. Г. История средних веков. М., 1893. С. 21. См. также об отношении Виноградова к марксизму: Могильницкий Б. Г. П. Г. Виноградов как историк исторической науки// История и историки. 1973. М., 1975. С. 219; Моисеев Л. С. К вопросу об исторических взглядах П. Г. Виноградова // Проблемы историографии и источниковедения истории СССР. Днепропетровск, 1979. С. 46 и др. В исследованиях справедливо отмечалось, что Виноградов не разделял доктрину марксизма. Следует добавить, что еще в лекциях, читанных в Московском университете в 1908 г. в качестве сверхштатного профессора, он выступал против экономического детерминизма при рассмотрении права (см.: Виноградов П. Г. История правоведения. М., 1908. С. 219).

⁵⁰ Виноградов П. Г. Перспективы исторического правоведения. С. 158.

⁵¹ Vinogradoff P. Outlines of historical jurisprudence. Oxford, 1920. Vol. 1. P. 160. Ср.: Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология. М., 1971. С. 251; Stein P. Legal evolution. The Story of an idea. Cambridge (Mass.), 1979. P. 115-119, 122; Стоянова Н. И. Объект исторического познания у П. Г. Виноградова. С. 66.

⁵² См.: Vinogradoff P. Outlines... Vol. 1. P. 157-158.

⁵³ Ibid. P. 361.

⁵⁴ Vinogradoff P. Outlines... Vol. 2. P. 2.

⁵⁵ См. обзоры коллекции: Baker J. H. Migrations of manuscripts// Legal history. 1994. Vol. 15. № 2. P. 17; Антощенко А. В. Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П. Г. Виноградова // Археологический ежегодник. 1997. М., 1997. С. 289-299.

⁵⁶ Vinogradoff P. Sources of law // Collected papers of sir Paul Vinogradoff (далее - Col. pap.). Oxford, 1928. Vol. 2. P. 478.

⁵⁷ Ibid. P. 465; ср.: Idem. The Church // Col. pap. Vol. 2. P. 441.

⁵⁸ Vinogradoff P. Outlines... Vol. 1. P. 159.

⁵⁹ Vinogradoff P. Feudalism// Cambridge Medieval history. Cambridge, 1922. Vol. 3. P. 458. В таком подходе к предмету Виноградов следовал традиции, заложенной исследованием английского средневекового права его коллегами и друзьями Ф. Мэтландом и Ф. Поллоком. Ср.: Pollock F., Maitland F. History of English law before the time of Edward I. 2 vols.

⁶⁰ См.: Неопубликованные страницы третьего тома «Очерков исторического правоведения» П.Г. Виноградова// Средние века. М., 2000. Вып. 61. С. 298.

⁶¹ См.: Stein P. Legal evolution. The story of an idea. P. 118-119.

⁶² См. письмо П.Г. Виноградова П.Б. Струве от 22 апреля 1925 г.// Struve Petr Bergardovich. Hoover institution archives. Box 15. Folder 16.

⁶³ Обзор опубликованных лекций см.: Черниловский З. М. История и теория права в трудах П.Г. Виноградова // Критика буржуазной правовой идеологии. М., 1977. Название сборника вполне раскрывает предвзятость отношения к идеям Виноградова, которая должна быть преодолена. Ср.: Графский В. Г. Павел Виноградов как историк права // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990.

⁶⁴ См.: Barnes Th. Notes from the editors for the collected papers of Paul Vinogradoff. Derlan, New Jersey, 1995. P. 18-19.